

МАКСИМ БЕЛОУСОВ

Запах сирени и хлорки

Максим Белоусов

Запах сирени и хлорки

<https://litres.ru/74459112>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация

В тихом спальном районе за двадцать секунд исчезает восьмилетняя Лиза. Для матери, судебного секретаря Ирины Громовой, это становится началом личного ада и расплатой за профессиональную ошибку: она не знала, что заблокированные ею миллионы благотворительного фонда обрекли на смерть детей маньяка-хирурга Станислава Мельникова. Похититель одержим идеей абсолютной стерильности и превращает заброшенный лесной кордон в частную операционную. Пока майор Волков идет по кровавому следу сквозь туман, время работает против закона. Это психологический триллер о цене врачебной ошибки, родительской вине и жестокой математике отчаяния, где каждый шаг к спасению может оказаться смертельной ловушкой, а финал оставляет преступника на свободе с новыми планами мести.

Содержание

Запах сомнения	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Максим Белоусов

Запах сирени и хлорки

Запах сомнения

Восьмилетняя Лиза знала запахи родного двора наизусть. Мокрый асфальт после дождя пах озоном и пылью. Старые качели — ржавчиной. А куст персидской сирени под окном ее спальни всегда благоухал так густо, что весной казалось, будто кто-то разлил ведро дорогих духов прямо у подъезда. В тот вторник, 14 мая, воздух тоже был пропитан сиренью. Но к нему примешивалось что-то еще. Резкое, химическое, неправильное. Хлорка. Она шла от темно-синего фургона «Хлеб», который стоял у детской площадки уже третий день. В их районе хлеб возили только в желтых машинах рано утром, но мама была слишком занята разводом, чтобы замечать такие мелочи. Лиза заметила. Она сидела на корточках посреди песочницы и строила замок из мокрого песка. Солнце садилось за панельные девятиэтажки, окрашивая небо в болезненно-оранжевый цвет. Фонари еще не зажглись, и двор тонул в синих сумерках. — Мам, я погуляю еще десять минут? — крикнула она вверх, задрав голову. Окно кухни светилось теплым прямоугольником. — Полчасика! И сразу домой! Ужин стынет! — донеслось сквозь стек-

ло. Лиза кивнула самой себе и вернулась к замку. Ей нужно было достроить главную башню. У нее оставалась одна идеальная ракушка для флюгера. Тень упала на песок раньше, чем девочка услышала шаги. Огромная, бесформенная тень закрыла собой остатки оранжевого солнца. Лиза подняла глаза. Перед ней стоял мужчина. Он не был похож на монстров из мультиков — у него не было рогов или горящих глаз. Это был обычный человек в синей спецовке водителя. Уставшее лицо, трехдневная щетина, заляпанные грязью рабочие ботинки. Обычный. Если бы не руки. Его ладони были плотно обтянуты медицинскими латексными перчатками ярко-василькового цвета. И от него невыносимо несло хлоркой. — Привет, малая, — голос у него оказался тихим, почти ласковым, без всякого нажима. — Поможешь мне? Котенок застрял под машиной. Плачут все, дети из третьего подъезда. Маленький совсем, серый. Только ты ручки свои тонкие просунуть сможешь. Он говорил правильно, по-доброму, даже немного виновато. Взрослые часто просят о помощи, это нормально. Лиза привыкла доверять взрослым. Но перчатки... Зачем надевать медицинские перчатки, чтобы достать котенка? — Я сейчас маму позову, — пискнула Лиза, инстинктивно прижимая к груди совочек. — Не надо маму, — улыбнулся мужчина. Уголки его губ дернулись вверх, но глаза остались абсолютно пустыми, как два замерзших озера. — Мама испугается, начнет кричать. Киска ведь оглохнет от крика. Ты же добрая девочка? Он сделал шаг вперед.

Песок скрипнул под его тяжелыми подошвами. Лиза вскочила, пытаясь бежать к подъезду, но ноги вдруг стали ватными. Сирень больше не пахла цветами. Весь мир теперь состоял только из запаха хлорки и сладковатого ужаса. Мужчина двигался обманчиво медленно, словно крадучись. Он не хотел ее напугать до истерики. Истерика — это шум, свидетели, распахнутые окна. Ему нужна была тишина. — Смотри, какой хороший, — он опустил на одно колено, оказавшись вровень с ней. Из-за его спины показалась вторая рука. В ней блеснуло что-то маленькое, белое. Ватный тампон. — Он тебе сам спасибо скажет... Он прыгнул. Не бросился, а именно перетек из положения стоя в движение одним текущим, хищным жестом. Одной рукой он зажал ей рот, заглушая первый рвущийся крик. Пальцы в латексе сжали ее челюсть так, что зубы прикусили язык. Рот мгновенно наполнился медной солью. Второй рукой он прижал к ее лицу ватный тампон. Резкий холод коснулся носа и губ. *«Это эфир»*, — пронеслась в голове странная, взрослая мысль, хотя Лиза никогда не слышала этого слова. Просто поняла название вещества по тому, как легкие начали гореть, отказываясь впускать воздух. Сирень исчезла. Исчез оранжевый закат, исчезли голоса мам с балкона, исчез вкус крови во рту. Остался только нарастающий гул в ушах, тяжесть в веках и крепкие объятия чужих рук. Мир просто выключили, как ночник над кроватью. Последнее, что почувствовала Лиза перед тем, как провалиться в глухую, звенящую темноту, — это то, как ее

маленькие ноги отрываются от земли. Она ничего не весила. Ни для мамы, ни для этого мира. Теперь она весила ровно столько, сколько мог поднять один уставший мужчина в синем фургоне. Двигатель машины завелся совершенно буднично, без рычания. Синее пятно плавно выехало со двора, аккуратно притормозив перед лежащим полицейским. Окно на кухне восьмого этажа так и продолжало светиться теплым прямоугольником. На плите остывала кастрюля с макаронами.

Ужин на двоих — это всегда издевательство. Ирина с остервенением терла тарелку поролоновой губкой, хотя та была абсолютно чистой. Скрежет мокрого фаянса о пластик заполнял звенящую тишину кухни. Прошло двадцать минут. Двадцать две. Лиза никогда не опаздывала на зов «ужинать». Она могла копаться в песке, ловить майских жуков или плакать над сломанной веточкой, но при слове «еда» бросала всё и бежала домой, стягивая грязные кроссовки прямо у порога. Это был их ритуал. Ирина выключила воду. Вытерла руки вафельным полотенцем. Подошла к окну. Двор лежал внизу темный, почти безлюдный. На горке одиноко мигала синяя лампа детской площадки, заливая песок мертвенно-фиолетовым светом. Песочница была пуста. Ржавая машина «Хлеб», стоявшая там три дня, тоже исчезла. — Лиза? — негромко позвала она в открытую форточку. Ветер качнул тюль. Никто не отозвался. Только где-то во втором подъезде хлопнула дверь. Ирина почувствовала, как по спине под-

нимается ледяная волна. Не холод, а именно предчувствие чего-то непоправимого, от которого подкашиваются колени. Она вышла из квартиры, даже не захлопнув дверь. Каблуки домашних тапочек гулко застучали по бетонным ступеням. Первый этаж. Второй. Третий. На четвертом она перешла на бег, сбросив дурацкие тапки прямо посреди лестничного пролета. Босые ноги обожгло холодом бетона. На улице было свежо. Сирень была в нос тяжелым ароматом, который теперь казался запахом похоронных венков. — Лиза! Лизонька! — ее голос сорвался на хриплый визг. Она обежала дом. Заглянула за трансформаторную будку, куда детям строго запрещали ходить. Пусто. Обогнула ржавые гаражи-ракушки. Никого. *«Спокойно, — приказала себе Ирина, хватая ртом воздух. — Соседка снизу, Клавдия Петровна, вечно сидит у подъезда. Она наверняка видела. Наверное, Лизу позвали играть в соседний двор. Или этот чертов хлебный фургон... может, водитель угостил ее булкой и они...»* Эта мысль показалась такой абсурдной, что Ирина едва не рассмеялась в голос. Водитель грузовика угощает ребенка булкой в десятом часу вечера? Она влетела обратно в подъезд, оттолкнув плечом входящего мужчину с мусорным пакетом, и бросилась к квартире Клавдии Петровны. Давила на звонок долго, истерично, пока в глазке не мелькнул свет. — Кто там смерти моей хочет на ночь глядя? — проскрипел недовольный старческий голос. — Клавдия Петровна, извините! Вы Лизу мою не видели? Маленькая такая, в желтой курточке!

За дверью повисла пауза. Слышно было только, как работает старый советский холодильник. — Видела, — наконец ответила соседка. — Полчаса назад, наверное. Сидела в песочке. А потом Витек со второго этажа своего пса вывел, она еще сказала: «Ой, какой лохматый!» — и пошла вроде к вашему подъезду. Я в окно смотреть стала, думала, зашла уже... Кровь ударила Ирине в голову. Она ничего не слышала. Никакой собаки, никаких шагов на лестнице. — Она не заходила, — прошептала Ирина. — Ее нет дома. Уже полчаса. — Как нет? — голос старушки мгновенно потерял скрипучесть, стал испуганным. — Ирочка, ты проверь хорошо... — Она бы откликнулась! — закричала Ирина так громко, что эхо запрыгало между этажей. — Я зову ее пять минут! Она бросила трубку домофона, не дослушав причитаний соседки. Мысли метались, как крысы в горящем подвале. *Полиция. Звонить в полицию. Они скажут: приходите через трое суток. Какие трое суток, если прошло всего тридцать минут?! Нужно звонить мужу.* Бывшему мужу. От этой мысли пальцы онемели. Андрей. Он ненавидит ее, ненавидит эти звонки, считает, что Ирина психопатка и плохо смотрит за ребенком. Но сейчас ей было плевать. Трясущимися руками она достала телефон. Разблокировала экран. Палец замер над иконкой трубки. Что она ему скажет? «Андрей, я мыла посуду, а наш ребенок испарился?» Она набрала номер. Гудки шли долго, мучительно долго. Наконец в динамике раздалось сонное, раздраженное: — Ира, время видел? — Ли-

за пропала, — выпалила она одним словом. И вдруг поняла, что больше не может дышать. Горло перехватило спазмом. — Андрей... ее нигде нет. Во дворе нет. Никто не видел. Пятнадцать минут... или сорок... я не знаю! В трубке слышался грохот, звук упавшего одеяла, тяжелое дыхание. — Так. Без паники. Я выезжаю. Адрес помнишь? Улица Строителей, восемь? Никуда не уходи из двора. Обыщи кусты еще раз. Я буду через семь минут. Если найдешь — просто сбрось вызов. Поняла? — Да, — выдохнула она. — И позвони в нольдва. Прямо сейчас. Скажи, что пропал ребенок восьми лет. Одежда желтая. Жди меня. Связь оборвалась. Ирина сползла по стене прямо в коридоре своей квартиры, пачкая колготки о пыльный линолеум. Ноги отказывались держать. Она снова открыла телефон. Набрала 102. — Служба спасения, — ответил уставший женский голос. — Помогите, — прошептала Ирина. Из нее словно вынули все кости. — Моя дочь... Елизавета Громова. Восемь лет. Желтая куртка, джинсы, розовые кроссовки. Пропала десять минут назад. Городской район, улица Строителей, дом восемь. Я отвернулась... я просто мыла посуду... — Назовите ваше имя, — перебил ее спокойный голос оператора. — Дышите глубже. Спасатели и полиция уже направлены. Ничего не трогайте во дворе. Выходите на улицу, встречайте наряд. Вы уверены, что она не у подруг? — У нас нет тут подруг, мы здесь месяц живем! Бывший муж едет... Пожалуйста, найдите ее. Она пахнет... она пахла сиренью. А потом там стоял синий фургон, «Хлеб», он уехал... И-

рина осеклась. Синий фургон. Почему она не подумала об этом сразу? Номер. Там должен быть номер. Она вскочила, забыв про боль в ногах. Выбежала на балкон спальни, выходящий на другую сторону дома, туда, где проходила сквозная дорога. Фонари освещали пустой асфальт. Машина ушла совсем недавно, следы от протекторов еще могли быть видны на влажной земле у бордюра. Но самое страшное случилось только сейчас. Стоя на ледяном балконе в одной футболке, глядя в черную пустоту города, Ирина осознала масштаб катастрофы. Это не игра в прятки. Ребенок такого возраста не исчезает сам по себе в спальном районе за двадцать минут. Между «Лиза, иди ужинать» и звонком в полицию прошла вечность, которую невозможно заполнить оправданиями. Кто-то забрал ее девочку. Кто-то, кто ездит на синем фургоне и пахнет хлоркой. Эта мысль вонзилась в мозг раскаленной иглой, выжигая надежду. Сирень во дворе внезапно запахла смертью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.